



УДК 340 (09) (476) (075)

П.В. Борботько, В.И. Пушкин, А.А. Сухарев

Юридическая ответственность за чужую «вину» в средневековом праве Беларуси в XI–XVI вв.

Законодательство любой страны и эпохи заинтересовано в том, чтобы юридическую ответственность за совершенные преступные действия понес исключительно сам виновный. Однако по нормам обычного права зачастую случалось так, что за чужую «вину» отвечал не только сам преступник, но и другие люди – его родственники, члены одного с ним коллектива, люди, не имевшие зачастую отношения к совершенному, а порой и сам потерпевший. Кроме этого, в Статутах Великого княжества Литовского зафиксирована правовая норма, которая разрешала правонарушителю выставлять в суд вместо себя замещающее лицо, которое и отвечало, в случае вынесения обвинительного приговора [1, 2].

Под «виной» следует понимать противоправные действия, совершенные тем или иным лицом, относящиеся к категории уголовных или гражданских правонарушений.

Традиционализм древнего права приводил к тому, что многие нормы переходили из века в век, из одного юридического документа в другой, из эпохи в эпоху. Так, многие положения, зафиксированные в Русской правде, были позднее переняты при составлении правовых актов Великого княжества Литовского: его привилеев и, отчасти, Статутов.

Русская правда, которая либо действовала, либо являлась образцом для составления правовых актов во многих землях Беларуси в XI–XII веках, предусматривала случаи, когда вместе с самим преступником наказывались и другие лица.

Так, например, зачастую штраф за уголовные правонарушения, совершенные на территории той или иной общины, в случае если преступнику удалось скрыться, платили все жители данной административно-территориальной единицы. Являясь невиновными, они должны были затем сами искать нарушителя и компенсировать свои потери. Этим, в первую очередь, соблюдались интересы центральной власти. Она в любом случае возмещала себе ущерб, связывала членов подчиненного ей коллектива круговой порукой и применяла принципы устрашения. Статья 20 краткой редакции документа определяла, что в случае, если где-либо будет убит огнищанин, то виру платит та вервь, где найдут его труп. Подобную меру наказания предусматривала и статья 4 пространной редакции в отношении дикой виры. Статья 77 (пространная редакция) также определяет, что община, которая в силу каких-либо причин не захочет или не сможет искать убийцу, будет нести ответственность за его деяния [3].

Другим примером ответственности за чужую вину по Русской правде является выдача родственников преступника в рабство потерпевшему. При этом не учитывалось, являлись они соучастниками данного преступления, или нет. Нигде не зафиксировано, должны ли они были знать о воровстве или убийстве, пользоваться краденным. Так, в статье 7 пространной редакции, говорится, что князю выдается преступник вместе с женой и детьми, со всем их имуществом. Как можно заключить из данного свидетельства, вопрос об индивидуализации наказания в то время еще не был разработан юридической мыслью в достаточной степени [3].

Слабое развитие теории и практики процесса доказывания вины, сложности со сбором доказательств и выставления свидетелей в суде порождали практику ордалий – божественного суда. Статьи 21 и 22 пространной редакции свидетельствуют о применении в тех случаях, когда не представлялось возможным определить степень вины или невинности обвиняемого, испытаний железом и водой. При таком судебном разбирательстве сохранялась полная возможность пострадать невинному – он мог либо не доказать своей непричастности к краже, либо не доказать вину преступника и быть обвиненным в лжесвидетельстве, понести имущественные потери и т.д. [3].

Статьи 116, 117, 120 и 121 предусматривают ответственность господина за вину его холопа (кража, долг). Причина появления подобных правовых норм заключалась в том, что зависимый человек не считался субъектом правоотношений. Поэтому для законодателей того времени, как и в более поздний период, считалось вполне естественным разрешение всех имущественных конфликтов в такой форме [3].

Нормы, соответствующие положениям Русской правды, зафиксированы и в Договоре 1229 года, заключенном Смоленском с Ригой и Готским берегом. Например, статья 6 Договора свидетельствует о применении князем «разграбления» человека вместе с женой и детьми. Долг, полученный наследодателем, переходил и на наследополучателя, что свидетельствовало не только о записи его на личность получателя, но и на само имущество, передаваемое по наследству. Получалось, что человек, который даже мог и не знать о существовании задолженности, не бравший, естественно, денежных сумм от кредитора своего предка, должен был нести ответственность и выполнять его обязательства [4].

Правда, Договор фиксирует отмену ордалий, как способа доказывания вины/невиновности (статья 9, 10). Это показывает, что к XIII веку юридическая мысль на Белорусских землях сделала определенный шаг вперед в вопросе гуманизации судебного процесса, и сумела сломать некоторые консервативные юридические нормы [4].

Дальнейший шаг по решению проблемы гуманизации и индивидуализации наказаний и ответственности был сделан в Великом княжестве Литовском в привилеях великих князей и при разработке Судебника Казимира [5].

В них зафиксированы многие положения, которые были взяты не только из норм обычного права ВКЛ, но из привилейных грамот Короны (Польши). Так, в своей грамоте от 5 февраля 1447 года, Казимир пишет, что наказание следует «вподлуг обычая и права коруны Польское». Как известно, историография называет XIII век в Польше – веком привилеев [6]. Естественно, что в результате осуществления персональной унии двух государств – Польши и Великого княжества Литовского – многие польские правовые нормы переходили на белорусскую почву. В этой же грамоте, впервые для белорусских земель, зафиксировано, что «за проступку, каково ль коли проступить, ни хто иный, только тот виноватец, хто проступить». Данная статья (№ 4) освобождает от ответственности «жен за вину мужа, отца за сына», «а ни иный при-

роженный, а ни слуга, только олиж бы был причастник тое проступки». Исключения составляли государственные преступления. За них, как следует из данного артикула, отвечать могли и невиновные, перечисленные в статье лица [7].

Почти такое же смысловое значение имеет и статья 3 привилея Александра, изданного 8 июня 1492 года. Добавляется только положение о том, что слуга также не отвечает за вину своего господина и в качестве исключения из правила упоминаются преступления против неуважения к княжескому величию. Из этого можно заключить, что знать Великого княжества Литовского добилась окончательной фиксации данной правовой нормы в текстах грамот господарей в середине XV – начале XVI вв. [8].

Судебник Казимира 1468 года, который явился, как известно, первой попыткой ввести для всей территории ВКЛ систематизированные нормы права, расширял положения об индивидуализации наказания относительно краж. В его статьях 1, 4, 5 и 6 ограничивается ответственность детей и жены преступника в случае если они не знали о воровстве отца и мужа, или не пользовались краденым. Что, по сути дела, было уточнением положений привилея 1447 года. Кроме этого, особой защитой законодательства пользовались дети до 7 лет, которых ни в каком случае нельзя было передавать в рабство. Статья 8 фиксировала обязанность человека, державшего дома «лежня» (солдат на постое), за кражу, совершенную квартирантом. Она предписывала хозяину дома самому выплачивать денежные штрафы, если он не сможет доставить в суд вора. При этом не оговаривалось, по каким именно причинам тот не смог его привести. Таким образом, можно отметить, что неукоснительно соблюдался принцип, что ни одно преступление не должно остаться без наказания. Поскольку человек, находившийся на постое, не считался родственником домовладельца, то на хозяина квартиры не распространялся принцип грамоты Казимира о неответственности за те преступные деяния членов семьи, о которых они не знали [8].

Кроме этих положений, тот, кто держал парубков, за их воровство должен был платить штраф, если они не могли это сделать сами (статья 19). Здесь прослеживается сохранение идеи об ответственности хозяина за вину своего слуги, рассмотренной выше [9].

Таким образом, можно заключить, что во время издания привилеев великими князьями литовскими шел процесс персонализации и гуманизации ответственности. Были отменены ордалии, ответственность родственников за вину мужа (за исключением государственных преступлений). Однако продолжала сохраняться норма о том, что зависимые люди владели не полной правоспособностью, а следовательно, во многих случаях ответственность ложилась на их хозяев [7].

Дальнейшая регламентация правовых норм происходила в Статутах Великого княжества Литовского 1529, 1566, 1588 гг. На развитие правовых идей, XVI века, как известно, оказали влияние белорусские философы и мыслители: Ф. Скорина, А. Волан, С. Будный и др. [10, 11]

Все Статуты обязательно включают одну и ту же норму, рассмотренную нами еще по грамотам великих литовских князей: «Также никто не должен быть наказан и приговорен за чей бы то ни было проступок, а только тот, кто виновен» (Статут 1529 года, раздел I, статья 7); «Также устанавливаем, что никто ни за чей поступок не должен быть осужден и наказан, только тот, который в чем сам виновен будет, когда ж тому право божеское и справедливость христианская учит» (Статут 1588 года, раздел I, статья 18). В этих статьях водится обязательное установление вины каждого лица судом. В противном случае оно освобождается от ответственности: «А поэтому в соответствии с христианскими законами никто не должен быть наказан, если его вина не бу-

дет установлена судом...» (Статут 1529 года, раздел I, статья 7). Отличия можно найти только в прямом или обратном перечислении различных лиц, действия которых не распространяются на их близких, родственников и окружающих. В 1529 году это были: «ни жена за преступление своего мужа, ни отец за преступление сына, ни сын за отца, а также никто из родственников, ни слуга за господина» (там же). В 1588 году данная позиция расширена: «... ни сын за отца ..., а ни муж за жену, брат за брата, отец и мать за дочь, дочь за мать или отца, сестра за сестру, ... господин за слугу, и никто иной ни за чье преступление» (там же). Правда, Статут 1588 года добавляет фразу, которая, очевидно понималась сама собой в конце 20-х годов XVI века, и поэтому отсутствовала в первом своде законов, о том, что дети и их родители могут нести ответственность за деяния родственников, подлежащие делам об «оскорблении величия нашего и государственной измены» (там же). Как мы можем заключить, здесь видны прямые заимствования и дальнейшая разработка правовых норм, изложенных в грамотах 1447 и 1492 гг., Судебнике Казимира [1, 2].

Государство было заинтересовано в том, чтобы предотвратить преступления, направленные против себя самого и личности великого князя. Именно поэтому оно и отступает от гуманистической традиции индивидуализации наказания. В семьях даже знатных особ оно пыталось создать своеобразную систему круговой поруки, ответственности за действия родственников. Какие же преступления предполагали коллективную ответственность невинных членов семьи? В 1529 году к ним относилось исключительно бегство в неприятельскую землю (раздел I, статьи 2, 4). В 1588 году список преступлений был расширен: бегство в неприятельскую землю, бунт или заговор против князя, чеканка фальшивой монеты, попытка захватить власть, любая помощь неприятелю (раздел I, статья 3). За все эти преступления дети и жена, не знавшие об этом, лишались отцовских имений «отчинных, выслуженных, каким-либо обычаем приобретенных, навечно лишаются» [1, 2].

Только в случае поимки и казни такого преступника родственники не несли материальных потерь: «А если бы тот изменник, удирая в неприятельскую землю, был пойман, то жизнь и честь он утрачивает. А так как свою плату уже взял, то дети его как при чести, так и при имениях отца своего должны оставаться, так же и жены при имуществе им принадлежащем» (Статут 1588, раздел, статья 6). Статут 1529 года не знал такой нормы [1, 2].

Статьи 4 (1529) и 7 (1588) предусматривают освобождение от подобной ответственности для отделенных, ставших самостоятельными, детей государственного преступника [1, 2].

Отсюда можно сделать вывод, что в своих интересах государственная власть шла на возобновление, в случаях измены, действия старого ленного права, когда земельное владение давалось князем при условии несения службы. В случае прекращения служебных отношений оно изымалось из владения семьи получателя и передавалось другому лицу. «Но все имения такого изменника мимо детей и близких к государству и к нам, государю, к столу нашему Великому княжеству переходить будут», – указывает Статут 1588 года (раздел I, статья 3). Отмена данного принципа вассально-ленных отношений зафиксирована была еще в привилегиях XIV века. Так Ягайло в грамоте от 20 февраля 1387 года подтверждал право свободного наследования католиками земель родителей. Одновременно данный документ не расширял ни одного из старинных прав православных восточных земель Великого княжества Литовского, которые могли воспользоваться новыми льготами в своих сепаратистских целях. Отличием от грамоты XIV века здесь может служить то, что данные имения уже не передавались никому иному, но оставались столовыми име-

ниями великого князя: «все таковые имения изменников, которые к нам, государю, перейдут, мы, государь, никогда никому отдавать не должны, чтобы на все времена измена такого преступника была показана» (Статут 1588, раздел I, статья 6). Частые измены восточных князей в XIV–XVI веках и привели, очевидно, к консервации описанных выше правовых норм [12]. Косвенно о росте количества таких преступлений свидетельствует и увеличение количества статей, посвященных им, в Статуте 1588 года, по сравнению с 1529 годом с 2 до 7 [1, 2].

Еще одну как причину фиксации такого исключительного права государства владеть имениями беглого преступника можно выделить политическую цель власти, указанную во всех Статутах и некоторых привилегиях – не уменьшать территорию государства. Как известно, некоторые восточные территории в силу различных причин тяготели к Москве, совершали временами измену Великому княжеству Литовскому. Их князья переходили в русское подданство и провозглашали присоединение своих земель к Московскому государству. Поскольку данные земли после предательства считались столовыми (государственными) имениями, то возникал обоснованный повод для требований об их возвращении, и, если позволяли силы, для проведения военных действий против соседнего государства [1, 2].

Статуты сохраняли нормы, касавшиеся ответственности хозяев за уголовные преступления своих слуг. Так, в 1588 году было указано, что если человек пана, совершив убийство, сумел бежать от него, то он «этот господин обязан будет сам головщину заплатить, а раненому за раны по его положению заплатить. А после выплаты головщины должен присягнуть о том, что без его приказания и совета это убийство и причинение ран произошли и по каким причинам слугу поймать не смог» (раздел XI, статья 25). А если бы не захотел очиститься присягой, то после принесения присяги истцом наказывался смертью. В случае воровства слуги статья 1 раздела XIV устанавливала, что хозяин платит штраф вместо сбежавшего. Здесь, как мы видим, он в любом случае производит возмещение вреда, причиненного своим человеком, в денежной форме [1, 2].

Статья 55 раздела четвертого (1588) вводит несколько необычную для привилегий и Статута 1529 года норму о лице, замещающем преступника в суде. Она предполагает, что «когда бы кто кого другого о каком-либо деле обычном или о каком-либо поступке и о преступлении, кроме имения лежачего, ... в котором суде заместил, тогда тот уже будет обязан сам без никаких позвов на то же время по той же жалобе, ... за него отвечать и рассчитываться». После фиксации замены в судебных книгах «А когда уже заменивший во всем том ответчика заменит и писарь то запишет, тогда ответчик или обжалованный от того свободен, а истцовая сторона будет о том с тем заменившим говорить и дело свое ему доказывать» (там же). В случае проигрыша дела он сам и нес ответственность за чужую вину: «А заменивший ... обязан будет сам или имея при себе адвоката, в то же время, немедленно заменив, отвечать и до конца рассчитаться» (там же). После этого он задерживается в замке до выяснения своего социального статуса и подтверждения своей оседлости. В случае присуждения головщины, он будет выплачивать ее со своего имущества, а в случае приговора о смертной казни, замещающее лицо казнили в том «вряде», который вынес приговор [2].

Статья 54 раздела 11 (1588) года предусматривает имущественную ответственность поручителя и его наследников за вину того, за кого он дал поручительство. «Если бы кто поручился за кого о представлении его в суд и был бы назначен срок для представления, ... тогда такое поручительство распространяется как на самого поручителя, доколе он жив, так после его смерти и

на детей и имущество его, это касается того вреда, о причинении которого истец произведет надлежащее доказывание», – говорится в статье [2].

Как и Русская правда, нормы Статутов предусматривают ответственность членов общины за убийство, совершенное на их земле. Например, статья 26 раздела 11 (1588) предусматривала выплату головщины за убийство в случае, если представители копы не явились для дачи клятвы, что не виновны в произошедшем, или не смогли (захотели) по каким-либо причинам ее принести. Данное положение дополняют и развивают статьи 2, 9 раздела 14 (1588). «Как гнаться следом за вором с украденными вещами» (статья 9) и «О требовании с села при обвинении в воровстве» (статья 2). Их основной смысл сводится в статье 9 к словам: «А если бы жители того села, к которому след привел, от себя след не отвели, или от следа отбили, или выгнав скот, его затоптали ... тогда это село обязано будет заплатить за тот вред, а себе виновного отыскивать». В данном случае, скорее всего, на такую диспозицию статьи оказали влияние недостатки криминалистической и процессуальной мысли того периода времени [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Статут Великого княжества Литовского 1529 года*. Мн., 1960. – 252 с.
2. *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588*: Тэксты, Давед., Камент. Мн., 1989. – 573 с.
3. *История государства и права России в док. и матер. с древнейших времен по 1930* / Автор-сост. И.Н. Кузнецов. Мн., 2000. С. 9-24.
4. *Памятники русского права*. Выпуск 2. М., 1953. С. 54-71.
5. *Белоруссия в эпоху феодализма*: Сб. док. Т. 1. Мн., 1959. С. 23-45.
6. *Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М.* История государства и права Польши. М., 1980. С. 12.
7. *Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах*. Т. 1. Мн., 1936. – 649 с.
8. *Законодательные акты Великого княжества Литовского XV–XVI вв.* Л., 1936. – 156 с.
9. *Юхо І.А.* Крыніцы Беларуска-літоўскага права. Мн., 1991. – 327 с.
10. *Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны*. Мн., 1991. – 308 с.
11. *Францыск Скарына*: Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Мн., 1988. – 349 с.
12. *Гісторыя Беларусі*: У 2 ч. Ч. 1. / І.П. Крэнь, І.І. Коўкель і інш. Мн., 2000. С.291-299.

S U M M A R Y

The legislation of any country and epoch is interested in that the legal responsibility for perfect criminal acts has suffered itself guilty. However under conventional rules frequently happened so, that for another's fault responded not only the criminal, but also other people-his(its) cognates, members of one with it(him) of collective, people which are not having frequently attitudes(relations) to perfect, and occasionally and suffering. Except for it, in Statutes of the Great principality Lithuanian the rule of law is captured, which one allowed the offender to exhibit in court instead of itself alternating face, which one and responded, in case of rendition of a verdict of guilty.

Поступила в редакцию 22.11.2002